

Цзян Юй со всех ног добежал до комнаты Ши Цзянтина.

Дверь была закрыта, но стены здесь плохо глушили звук.

Он остановился снаружи, пытаясь успокоить сбившееся дыхание. Во взгляде смешались горе и потрясение.

Цзян Юй уже поднял руку, чтобы открыть дверь, когда услышал внутри разговор двух людей.

— После твоего ухода нам продолжать его травить?

Цзян Юй застыл.

Удушающее чувство будто когтями сдавило сердце.

О чём... они говорят?

И разве этот голос не принадлежит мальчишке, который годами издевался над ним без всякой причины?

Цзян Юй задержал дыхание и не издал ни звука.

В комнате Ши Цзянтин складывал вещи в чемодан. Во рту была конфета. Услышав вопрос, он слегка приподнял глаза, языком перекатил сладость за другую щёку и спокойно ответил:

— Запомни: я никогда не просил вас его травить.

Мальчишка хмыкнул.

— Ну да, конечно, будто это не ты нам прика...

Заметив ледяной взгляд Ши Цзянтина, он тут же поправился:

— Да-да. Ты у нас спаситель, а мы от рождения злодеи.

За дверью Цзян Юй медленно сполз по стене и сел на пол.

Пустой взгляд упёрся в землю.

Он вспомнил.

Всё вспомнил.

И наконец понял, почему за столько лет никто так и не захотел с ним дружить.

Стоило кому-нибудь приблизиться — и вскоре человек бесследно исчезал из его жизни.

У Цзян Юя всегда был только один друг: Ши Цзянтин.

Когда Цзян Юю что-то нравилось, Ши Цзянтин неизменно направлял его: это можно любить, а это нельзя.

Каждая часть его жизни находилась под контролем Ши Цзянтина.

И Цзян Юй никогда не считал это странным.

Потому что давно привык, что им управляют.

Он был словно марионетка на нитях. Каждый шаг отслеживался, каждое движение направлялось...

Раньше Цзян Юй думал, что его травят заслуженно. Потому что с ним что-то не так. Потому что он недостоин чужой симпатии.

А оказалось — всё это устроил человек, которому он доверял больше всех.

Цзян Юй никогда ни в чём не был виноват.

Но почему?

Почему?!

Он схватился за голову и затрясся всем телом, почти сходя с ума.

В комнате Ши Цзянтин перестал обращать внимание на собеседника. Похоже, раз скоро уезжать, спорить с этими людьми больше не имело смысла.

— Эй, а ты не собираешься рассказать ему правду и извиниться? — мальчишка нахмурился. — У него ведь кроме тебя вообще никого нет. А могло быть полно друзей.

Ши Цзянтин выпрямился и потянулся.

— Не надо. Его легко успокоить. Что скажу, тому и верит. Усыновление, всё остальное — видишь же, он по-прежнему верит мне безоговорочно.

— Скотина.

— Ха. Для тебя я скотина.

Ши Цзянтин вдруг стал серьёзным.

— Но я действительно делал это ради него. Вам знать правду незачем.

Значит, здесь всё-таки была какая-то другая причина?

Ши Цзянтин размял плечо и устало произнёс:

— Скоро уеду. За эти годы я до смерти устал.

Мальчишка спросил:

— А потом вернёшься?

За дверью Цзян Юй поднял покрасневшие глаза и весь обратился в слух.

— Не вернусь.

Ши Цзянтин ответил без колебаний.

Цзян Юй окаменел.

Всё его горе будто разом разорвали этой фразой, окончательно обнажив истинное лицо Ши Цзянтина.

Вот как.

Он просто привык обманывать Цзян Юя, потому что тот слишком легко верил?

Всё равно уйдёт.

Покинет это место.

Покинет его.

Лжец.

Цзян Юй улыбнулся, пошатываясь поднялся и развернулся.

В этот момент во взгляде проступило что-то жестокое.

Он ушёл.

А внутри Ши Цзянтин вдруг перестал складывать одежду и добавил:

— Хотя... я говорю «не вернусь». Может, когда-нибудь найду возможность. Но шанс небольшой.

Мальчишка удивился:

— А зачем тогда вообще возвращаться? Ты же сам не хочешь.

— Ничего не поделать. Я пообещал одному человеку забрать его отсюда.

Ши Цзянтин с силой надавил на крышку чемодана, встал на него одним коленом, но защёлкнуть всё равно не смог.

Пришлось позвать собеседника на помощь. Только вдвоём они закрыли набитый до предела чемодан.

Мальчишка закатил глаза.

— Ты больной? Едешь жить в богатую семью! У тебя будет куча денег, купишь сколько угодно еды и сладостей! Зачем тащить этот хлам?

— Что ты понимаешь? Спокойно только тогда, когда собственные вещи у тебя под рукой, — холодно ответил Ши Цзянтин.

Было уже поздно.

Ши Цзянтин вдруг хлопнул мальчишку по плечу.

— Тебе ведь скоро пятнадцать?

— Ага. Я уже взрослый!

Ши Цзянтин улыбнулся.

— Тогда совет: сегодня ночью беги отсюда как можно быстрее.

— Псих.

Мальчишка стряхнул чужую руку и направился к двери.

— Нормально я здесь живу. С чего мне бежа... ай!

Он поскользнулся прямо на пороге и растянулся на полу.

Поднявшись, сразу разразился руганью:

— Ты вообще когда-нибудь здесь убираешь?! На полу воды полно! Чуть не убился!

Ши Цзянтин посмотрел вниз.

На полу неподвижно лежали мелкие капли.

Он нахмурился.

— Откуда вода?

Прошло ещё некоторое время.

Наступила ночь.

Цзян Юй сам пришёл за Ши Цзянентином. В руках он держал сачок и стеклянную банку.

Как только Ши Цзянтин появился, Цзян Юй крепко его обнял и снова и снова повторил:

— Цзянтин, Цзянтин, Цзянтин, Цзянтин, Цзянтин...

Голос был таким мягким, что от него сжималось сердце.

Ши Цзянтин растерялся, обхватил лицо Цзян Юя ладонями и со смешком начал отвечать в том же ритме:

— Я здесь, здесь, здесь, здесь... Что случилось?

Цзян Юй потёрся щекой о шею Ши Цзянentina, затем радостно поднял сачок и указал на тёмный лес в горах.

— Пойдём ловить светлячков! Я всё рассчитал. В это время их больше всего!

Ши Цзянтин нахмурился, глядя на густую ночную тьму между деревьями.

— Опасно. Давай не пойдём.

Глаза Цзян Юя были опухшими после слёз. Он посмотрел жалобно и тихо сказал:

— Но ты завтра уже уезжаешь... Неизвестно, когда мы увидимся снова. Я буду скучать. Хочу оставить тебе что-нибудь на память...

Внешность Ши Цзянentina и без того легко вводила людей в заблуждение, а когда тот выглядел таким несчастным, отказать было почти невозможно.

Ши Цзянтин немного подумал, снова посмотрел на лес, потом на сачок и тяжело вздохнул.

— Ладно, ладно. Тайком выберемся, чтобы воспитатели не заметили. Только ненадолго. Ночью в горах опасно.

— Угу!

Цзян Юй снова крепко обнял его.

— Цзянтин самый лучший!

Они перелезли через ограду и без особого труда скрылись среди деревьев.

Обычно неподалёку постоянно патрулировали охранники.

Но именно сегодня почему-то не было никого.

Минуты сменяли друг друга.

Из глубины гор не доносилось ни звука.

Лишь ближе к рассвету у края леса показался смутный человеческий силуэт.

Фигура медленно вошла в свет.

Это был Цзян Юй.

Один.

Рядом с ним никто не шёл.

Одежда была вся в грязи, руки — в крови.

Он как сумасшедший бросился к ручью и принялся отчаянно отмывать ладони, затем плеснул ледяной водой в лицо.

Вода смешалась с горячими слезами и ударила по поверхности ручья, разбивая отражение Цзян Юя на бесчисленные осколки.

Он долго молча смотрел на своё лицо в воде.

Словно внутри уже не осталось души.

За спиной слышались шаги.

Директор.

На его обуви тоже налипла тяжёлая грязь.

Он с почти ласковой улыбкой посмотрел на Цзян Юя, мягко погладил его по голове и тихо произнёс:

— Молодец, ребёнок. Ты всё сделал правильно. С плохими детьми именно так и нужно поступать.

Цзян Юй деревянно повернул голову.

Лунный свет лёг на лицо и осветил искривлённую, словно нарисованную на маске клоуна, улыбку.

На следующий день супруги Цзян приехали за Ши Цзянтином.

Но директор встретил их с виноватым видом.

— Ши Цзянтин передумал ехать с вами. Ночью взял чемодан и сбежал.

Супруги были страшно разочарованы и уже собирались уехать.

Тогда директор подтолкнул вперёд Цзян Юя.

— Может быть... присмотритесь к этому ребёнку?

На лице Цзян Юя была безупречная улыбка.

Глаза оставались пустыми.

Супруги переглянулись.

В конце концов кивнули, взяли его за руку и увели из приюта.

Место, которое предназначалось Ши Цзянтину, досталось Цзян Юю.

У Цзян Юя появилась семья.

Он должен был быть счастлив.

Но его сердце навсегда осталось в этой грешной тюрьме.

И выбраться оттуда ему уже не удалось.

<http://bllate.org/book/19625/1935183>